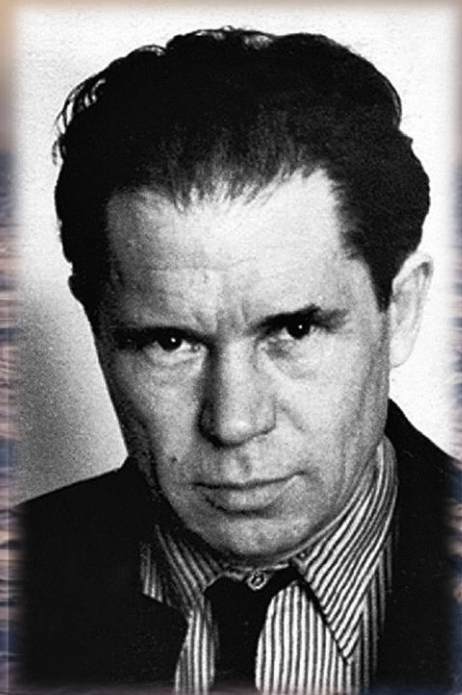

Георгий Демидов — неизвестный великий русский писатель

1908 — 1987

«...Заснешь — и вновь по снегу зашагаешь,
Опять услышишь ветра сильный вой,
Скрип сапогов по снегу, рев конвоя...»

Юрий Домбровский

«И вот опять случилось в нашей стране так, что подымается зэк, зажав пачку исписанных листов в руке, чтоб сказать или прохрипеть нам всем:

— Что вы! Опомнитесь! Не забывайте о нашей безвинной гибели! Ведь мы – были!..»

Мариэтта Чудакова

Георгий Демидов родился за 9 лет до революции в рабочей семье в Петербурге, учился в Харьковском университете, где посещал лекции Льва Ландау. По его совету ушёл с третьего курса и начал работать физиком-экспериментатором, а защитил кандидатскую диссертацию тогда же, когда его однокурсники защищали диплом.

Семья Демидовых: родители, сестра и братья. Фото Г.Г. Демидова.

«Талантлив был удивительно. Свой первый патент на изобретение получил в 1929 году в возрасте 21 года. По мнению специалистов, отец подавал очень большие надежды как ученый-физик. Арест и восемнадцатилетняя каторга на всем этом поставили крест. Но даже за колючей проволокой он не мог обойтись без научного творчества - изобретал, создавал, организовывал. А в благодарность получил дополнительный срок.»

Г. Демидов с ружьем, на котором его первое запатентованное изобретение - специальный курок. 1929

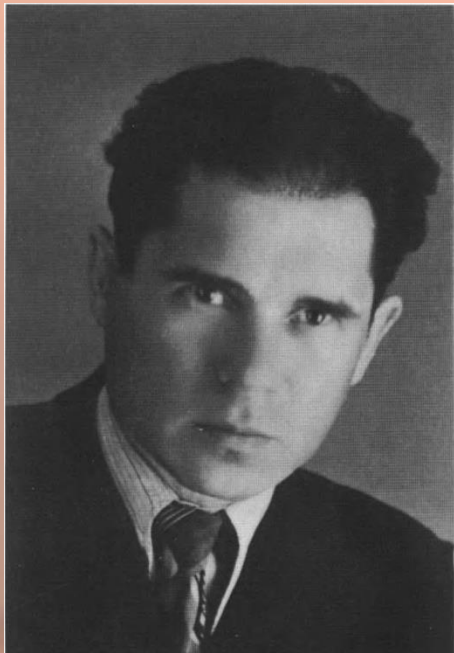

«Обо всем, что с ним произошло после ареста в феврале 1938 года, я узнала уже от него. Судил его Военный трибунал, получил он восемь лет, статья 58-10, и в сентябре этого года был уже на Колыме. Делал все – добывал руду, мыл золото, стрелял моржей и т. д. В июле 1946 года получил второй добавочный срок – 10 лет. Итого – 18 лет.

Г. Г. Демидов (слева) в научной лаборатории. Харьков, 1935-1937

Почти документально его пребывание на Колыме описал Варлам Тихонович Шаламов в рассказах «Иван Федорович» и «Житие инженера Кипреева». С ним отец провел в Центральной лагерной больнице почти два года.

Г.Г. Демидов (крайний слева) с друзьями. 1930-е

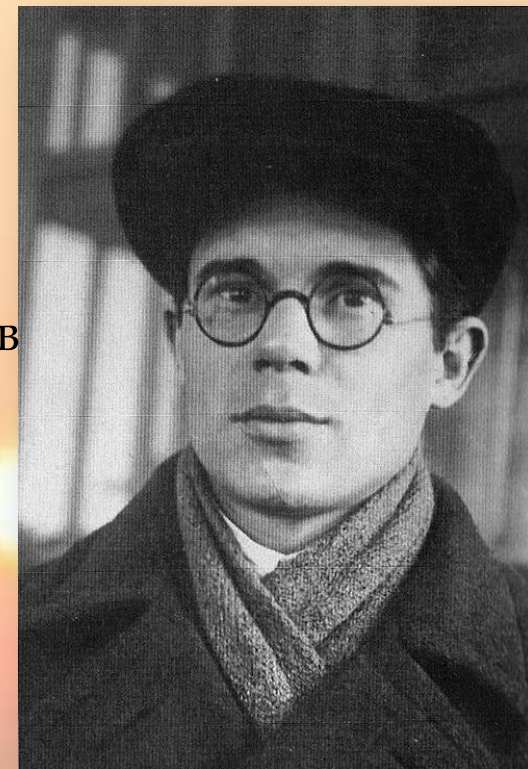

Он на самом деле «изобрел» заново электрическую лампочку, организовал и запустил электроламповое производство — в тех условиях вещь почти немыслимая. И, когда в награду за всё сделанное, вместо обещанного досрочного освобождения он получил коробку с «лендлизовским» американским костюмом, то швырнул ее в президиум торжественного собрания со словами «Я чужие обноски не ношу!» За что и получил те добавочные 10 лет.»

Г.Г. Демидов. Ухта, 1957

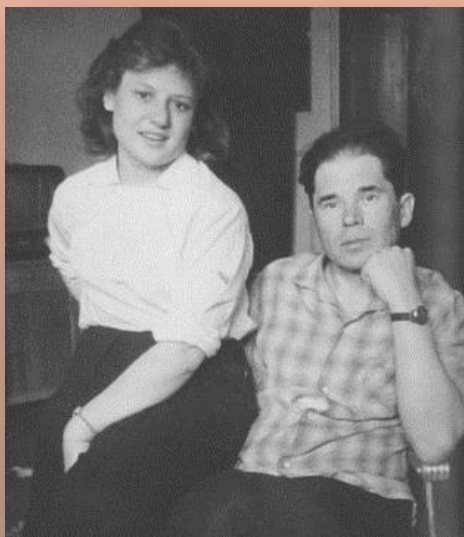
На следствии Демидов назвал Колыму «Освенцимом без печей». До получения второго срока Демидов переписывался с женой и принимал посылки. Когда же ему дали ещё 10 лет, он написал, что у него нет шансов выйти живым, и она должна отказаться от него. Он даже послал телеграмму, якобы отправленную кем-то другим, что Демидов умер. Жена не поверила.

В своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Юность» № 12 за 1988 год, В.Т. Шаламов писал, что «одним из самых достойных людей, встреченных им на Колыме, был харьковский физик Г.Г. Демидов...».

В конце 40-х - начале 50-х годов по колымским лагерям разыскивали выживших ученых-физиков и вывозили их в Москву для работы над атомным проектом. Попал под это распоряжение и Г.Г. Демидов.

В письме к жене в 1956 году он написал: «...В 1951 г. меня в порядке чрезвычайной спешки отправили в Москву - “аллюр три креста”. Это было одно из самых ужасных путешествий, которое мне пришлось перенести. Оказалось, что я затребован... 4-м спецотделом МВД как физик-экспериментатор. Но Главное Управление упустило, что зачётами и скидками мой срок сокращён на несколько лет и истекает буквально через пару месяцев. Поэтому я оказался непригодным для целей этого почтенного учреждения и меня снова швырнули в лагерь добивать срок и выходить на положение ссыльного. Но отправили меня уже не обратно на Колыму, а на север республики Коми в Инту.»

*Г.Г. Демидов с дочерью
Валентиной. Ухта. 1962 г.*

«Когда я впервые приехала в Ухту, на центральной площади среди портретов стенда «Лучшие люди города» висел и портрет Г.Г. Демидова с подписью «Лучший изобретатель Коми АССР». О нем много писали газеты. Но и он в это время уже начал пробовать писать.» Демидов стал немного известен в самиздате и много — в КГБ.

Оттуда приехал полковник, попросил рукописи, читал несколько дней, сказал, что печатать это сейчас невозможно, но обещал членство в Союзе писателей и все блага, если Демидов сменит тему и напишет о рабочем классе. Писатель отказался. Портрет с площади исчез.

«Когда-то отец сказал мне, что еще на Колыме поклялся выжить во что бы то ни стало, чтобы описать этот ад. Свое слово он сдержал и взялся за перо.

*За работой над рукописями.
Калуга, 1970-е*

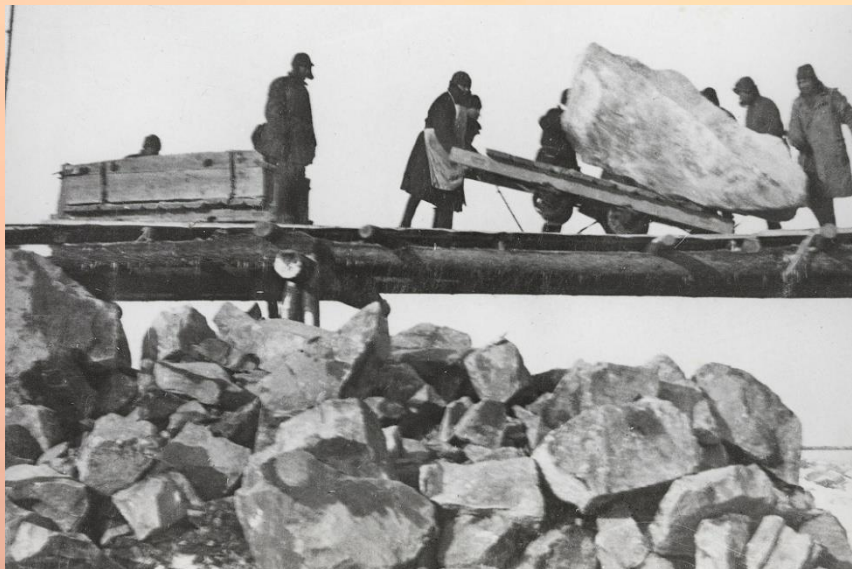
Писалось трудно - ночами, по воскресеньям, за счет всех видов отдыха. О себе говорил: «Грустно быть “вечерним” и “воскресным” писателем...» Когда отец понял, что писательство стало главным делом жизни, он попытался все свои внутренние творческие силы переключить только на эту работу. Нам с мамой написал: «...Мне мое творчество обходится очень дорого. Я неизбежно дохожу до болезни, хотя далеко еще не развалина. Начинаю плохо спать, теряю аппетит. Все спрашивают: “Что-нибудь случилось?” Я мог бы ответить: “Да, случилось. Совсем недавно. Нет еще и тридцати лет. И случилось не только со мной” .»

«В своей основной профессии я работаю с большим трудом. Впервые в жизни понял, что такое труд без вдохновения. Стараюсь перейти на рабочую должность. По крайней мере, не будет мучить совесть, что я не могу уже быть тем, кем был – инженером, ученым, способным сделать то, чего не могут многие другие. Теперь мне хвастать можно. Я говорю о покойном инженере...»

«...о том, что я занимаюсь писательством, ты знаешь давно. Знаешь и то, что теперь у меня есть уже обработанные вещи, которые распространяются подпольным способом, как во времена Грибоедова. Шансов на их напечатание почти нет, и ничего в этом направлении я и не предпринимаю. Пусть это останется наследством, с которым поступят, как с макулатурой или с “документом эпохи”. Я пишу потому, что не могу не писать.»

Он не мог писать ручкой, у него были разбиты на рудниках и отморожены пальцы, ручку он держал плохо, стучал на машинке.

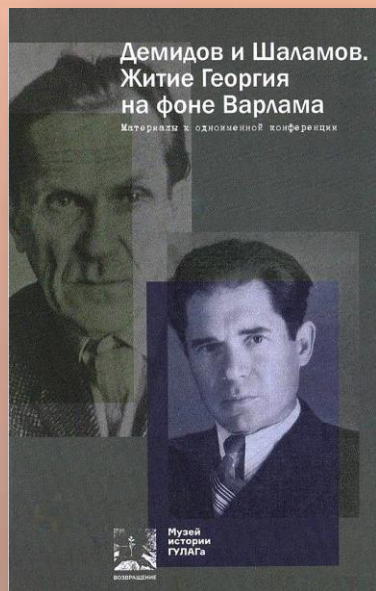

«Внешне у меня все как и было. Чувствую, впрочем, что начал стареть. Поэтому и спешу. До пенсии еще далеко, да и возможно, что советская власть лет на пять передвинет возрастной ценз. Надо же ей предоставлять пенсии товарищам бывшим “операм”, тюремным надзирателям, трибунальщикам и прочим заслуженным заплечных дел мастерам в тридцать пять - сорок лет. Чтобы не “серчали”.

У нас таких много. Ждут они, не дождутся своего часа. Я на них иду с пером и с этой вот машинкой, а надо бы с топором!..»

(Из письма к жене 1961 года.)

«Надежды быть напечатанным у меня, конечно, нет никакой. Впрочем, нет и особой тяги к этому. И все же “гонорары” за писательскую деятельность я получаю неофициально в виде теплых писем от иногда совсем незнакомых людей и, конечно, в виде дружеских похвал. Мои официальные гонорары - это доносы, окрики, угрозы, прямые и замаскированные...» (из письма к В.Т. Шаламову, написанного 30 июня 1965 года)

В те годы надежды на благополучную и быструю реабилитацию у отца почти не было.

«...У нас в ходу мрачная шутка — “юмор висельников” — реабилитации бывают двух родов — посмертная и предсмертная».

И, к сожалению, оказался провидцем. В марте 1957 года он отправил маме очень тоскливое письмо: «...сегодня я получил извещение Главной военной прокуратуры, что оснований для моей реабилитации нет. Проклятый политический флюгер сработал...»

Отец был реабилитирован только в марте 1958 года, после повторного обращения в Главную военную прокуратуру.»

Из справки Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 20 марта 1958 года № 003 - 28/38: «Дело по обвинению Демидова Георгия Георгиевича, до ареста - 28 февраля 1938 года – доцента Харьковского электротехнического института, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 4 марта 1958 года.

Приговор военного трибунала Харьковского военного округа от 28 сентября 1938 года, определение Военной коллегии от 23 октября 1938 года, приговор военного трибунала войск МВД при Дальстрое от 26 июля 1946 года и определение округа от 23 октября 1946 года в отношении Демидова Г.Г. отменены и дело прекращено».

Вот так просто, без всяких лишних эмоций, без реверансов и извинений за двадцать самых лучших, полноценных и продуктивных лет человеческой жизни, отнятых у отца. Да и не только у него.

Уже в 1966 году он мне написал: «...Главное, о чем я сожалею, это что не успел своевременно сделать то, что осталось на куцый и неполноценный остаток жизни.»

«Каким же дураком я был в молодости, как горячо я верил в эти пятилетки, с горящими глазами. Это надо же было быть таким идиотом.»

Печатный Демидов при его жизни не существовал. Он категорически отказывался от предложения переправить рукописи для издания за границей. Хуже того: он подготовил 5 машинописных экземпляров своих сочинений и рассовал их по разным знакомым в разных городах. Один экземпляр был у дочери. В августе 1980 года по всем адресам, где хранились рукописи Демидова, КГБ провёл обыск. Все рукописи были изъяты, после чего Демидов уже не писал. Он умер в Калуге 19 февраля 1987 года. Уходил из жизни в очень тяжёлом состоянии, депрессия у него была: «Ты знаешь, вся жизнь впустую, ничего им не было нужно». И все повторял слова Пушкина: «Угораздило же меня такого талантливого родиться в этой стране».

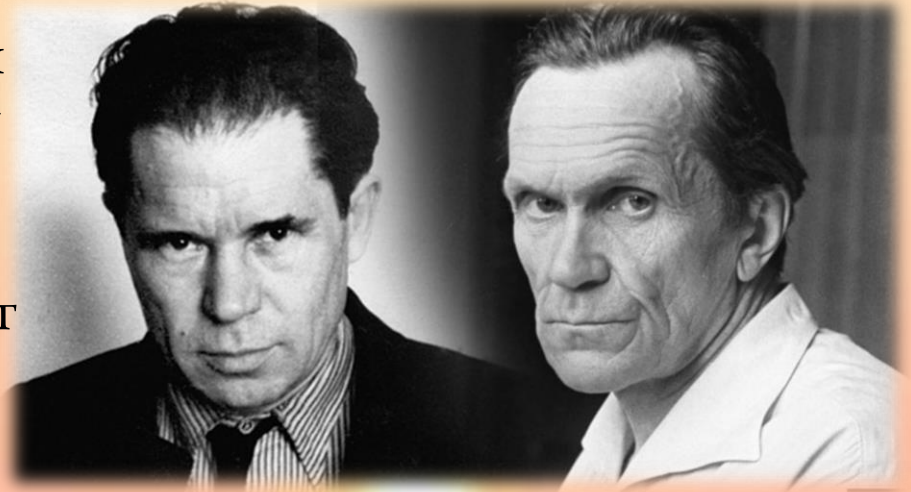
Тем же летом Валентина Демидова обратилась к секретарю ЦК партии Александру Яковлеву с просьбой вернуть архив отца. Через год архив был возвращён.

В 1990 году в журнале «Огонёк» был напечатан рассказ «Дубарь».

«Я поклялся вбить осиновый кол в душу сталинского режима!»

«В один из «наездов» в Москву мы с папой ходили в гости к Варламу Тихоновичу Шаламову. Я помню эту встречу. Сначала они говорили спокойно, а потом вдруг вскочили и встали друг на против друга – оба высокие, жилистые, как два бойцовских петуха! Я сидела в углу тише мыши...

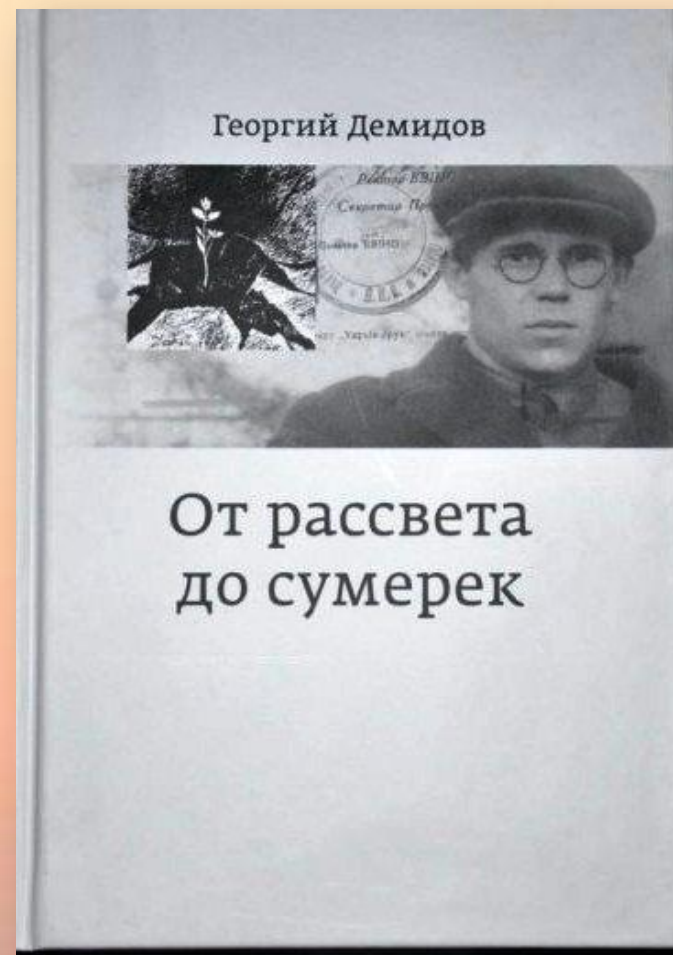
Шаламов кричал папе: «Таких, как ты и я, выживших в этом аду и способных это описать, только единицы остались! И ты не имеешь права тратить свой талант на размазывание соплей по страницам, на все это «любит – не любит!» Нужны только факты, факты, факты!»

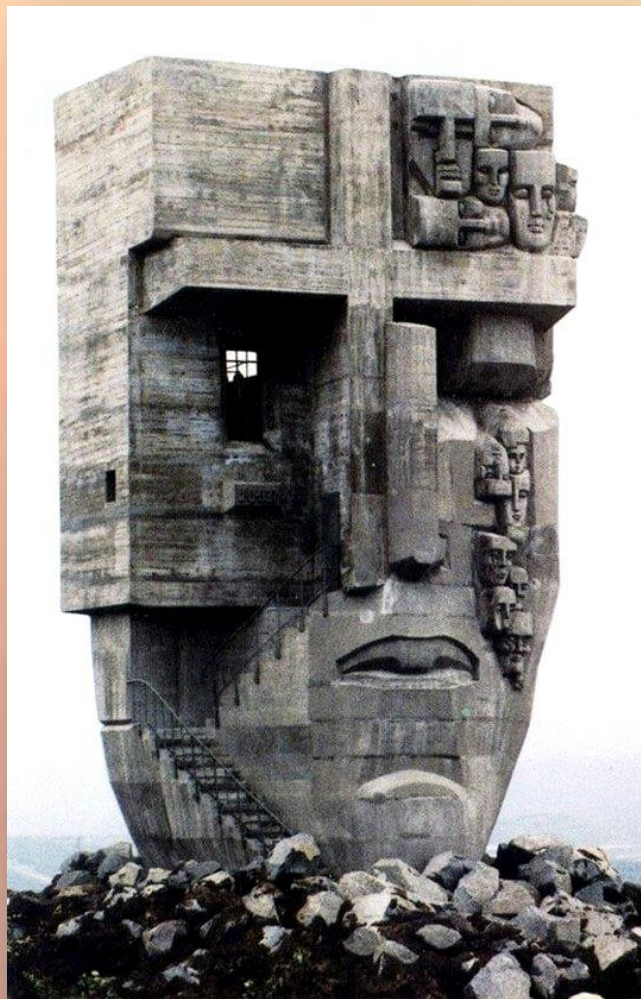
А папа говорил: "Нельзя рассказывать "о фактах", не рассказывая о людях! Да, это был ад, но люди там жили, люди любили, дружили, предавали! Там было все! Там была жизнь! И не писать об этом я не могу!" В результате они страшно разругались с Шаламовым.»

Лагерная проза Демидова — именно попытка исключительно дальновидного и честного человека разобраться в нечеловеческом, в путях его возникновения и в том, как теперь из этого выбираться.

Демидов стремится донести до читателя правду о лагерях. Это его сверхзадача. Он скрупулезен и точен даже в мелочах, его тексты можно воспринимать как исторические источники. По ним можно изучать лагерный быт, нравы, эпоху. Проза Демидова — это беллетризованная история.

Отбывший 10-летний срок на каторге, Семен Виленский: «Демидов удивительно гармоничный писатель, писатель пушкинской, толстовской школы. Там, где у Шаламова тьма, у Демидова — свет.»

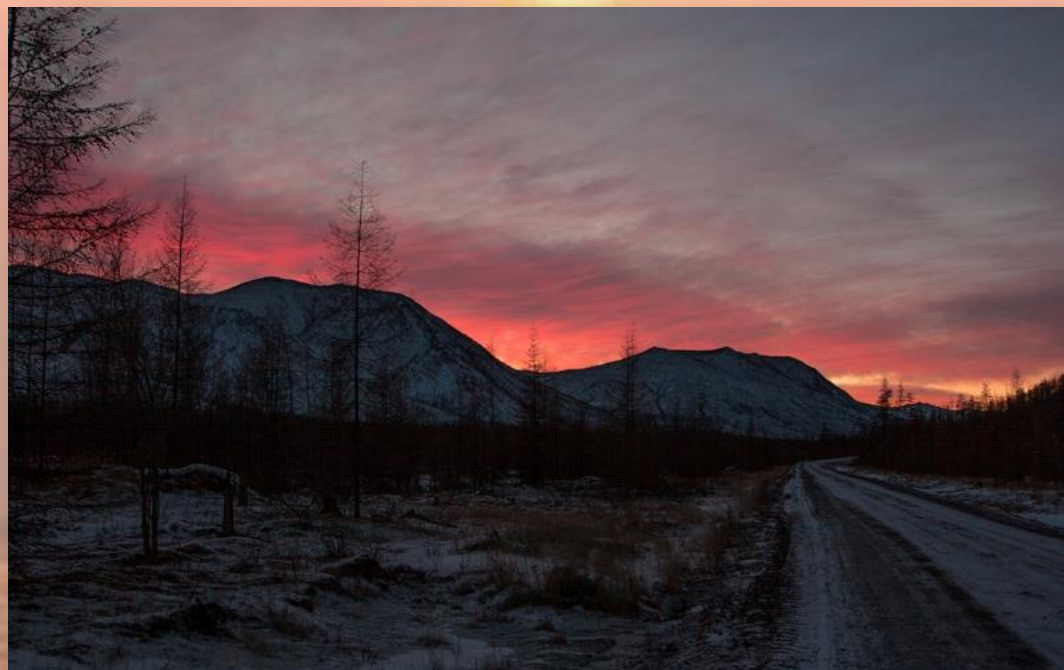

*Камиль Казаев - архитектор.
По проекту Эрнста Неизвестного
создавал монумент - Маску
Скорби - на Колыме.*

«Пусть зло во все века сильней,
Но доброта неистребима,
Идёт безвестным пилигримом
Она дорогою своей.
Давно уж слуха нет о ней...
И вдруг!
Вдруг, как с икон Рублёва,
Она глядит – сама основа
И оправданье жизни всей.»

Семён Виленский

Демидов – это ведь не о сталинизме: это — об «искаженной почти во всех своих проявлениях жизни».

«Некоторые рассказы Демидова — «Дубарь», опубликованный первым, или «Без бирки», который я считаю лучшим, и «Амок», который вышел посильней, чем у Цвейга, и не только благодаря страшному материалу, Цвейгу такой бы и в кошмаре не приснился, — выдержат сравнение с лучшими образцами прозы XX века и войдут в любую хрестоматию русской новеллы.»

«От его прозы не можешь оторваться, как от фильма Германа, на который двадцать раз посетуешь, но досмотришь до конца, не сбежишь. В некотором смысле проза Демидова — самый точный литературный аналог описанного, потому что шаламовская новелла коротка и стремительна, а в солженицынской все-таки есть надежда на несломленных героев; у Демидова они тоже есть, но чего нет, так это надежды. Горько, тяжело, скучно — зато научно, строго, и это отчасти роднит его прозу с воспоминаниями Виктора Франкла.»

Георгий Демидов
Чуждая планета

memoria

«Стояла глубокая, торжественная тишина. Наверно, такой глубокой она бывает еще на застывших планетах. Должно быть там вот так же величаво плывет над хаосом мертвой материи неяркое, потухающее светило.

Неправдоподобно огромный, сейчас оранжевый диск солнца почти уже касался горизонта своим нижним краем, готовясь закатиться за него по-арктически медленно. Выше – чистое, бледно-розовое небо через неуловимые цветовые переходы постепенно становилось светло-синим. Только здесь, в этих неприютных северных краях, оно бывает таким нежным, таким чистым и таким равнодушным к человеку.»

«А я, несмотря на жестокий мороз, долго еще стоял и смотрел на мертвое тельце. Под заскорузлым панцирем душевной грубости, наслоенной уже долгими годами беспросветного и жестокого арестантского житья, шевельнулась глубоко погребенная нежность. Видение из другого, почти забытого уже мира разбудило во мне многое, казавшееся давно отмершим, как бы упраздненным за ненужностью. Было тут, наверно, и неудовлетворенное чувство отцовства, и смутная память о собственном, рано оборвавшемся детстве. Хлынув из каких-то тайных, душевных родников, они разом растопили и смыли ледяную плотину наносной черствости.

Теперь не только грубое слово, но даже грубая мысль в присутствии моего покойника показалась бы мне оскорбительной, почти кощунственной.»

«— А Кушнарев-то, товарищи, вовсе не в побег идет... — И тогда даже тем, кто не знал этого человека раньше, стало ясно, что перед ними совершается осознанное и теперь уже неотвратимое самоубийство.

...

Он остановился, обернулся лицом к сопке и прощальным жестом поднял вверх руку. Теперь даже те на гребне горы, кто раньше презирал Кушнарева за его житейскую непригодность, склонность к философской зауми и бесплодную войну с собственной природой, прониклись к нему чувством, близким к почтению. Этот человек пошел на добровольную, красивую смерть, возвышающую перед этими желторотыми крикунами не только его, но и всех, над которыми они ежедневно измываются.

Теперь кое-что дойдет, наверное, даже до их забитого политруковским лганьем сознания. Выкрики на флангах действительно затихли. Зато в центре кто-то крикнул:

— Прощай, Кушнарев! - как будто тот мог его слышать.

Но он, конечно, знал, что на него глядят сотни пар человеческих глаз. В таких случаях даже у людей, слабых духом, нередко просыпается гладиаторская гордость. На миру, говорят, и смерть красна!»

У Демидова априорной правды нет — он ученый, ему положено докапываться до истины, а не подтверждать или отрицать ее. Солженицын считает, что лагерный опыт может быть благотворен (и для него самого, пишет он, — был). Шаламов уверен, что лагерь — чистое растление: для заключенных, начальства, охраны — для всех.

Но у Солженицына есть вера, а у Шаламова — ненависть, и потому их читать проще. Демидов — физик, попавший на Колыму, и он к своей правде идет экспериментальным путем. Однако эта правда есть, и ее можно сформулировать, хотя задача Демидова — не сделать вывод и

*Г.Г. Демидов (крайний слева)
с друзьями. 1930-е*

не научить чему-то читателя. Как всякому истинному ученому, ему хочется понять. Как настоящий экспериментатор, он бежит обобщений. Это не «сказки с моралью», а полевые наблюдения.

Среди пошатнувшейся логики, среди царствующего абсурда и установки на самую темную архаику Демидов остается одной из немногих опор для людей, не готовых восторженно рухнуть в грязь и самозабвенно там барахтаться.

Невозможно понять: «...откуда среди серой, одноцветной человеческой плазмы вдруг вспыхнуло такое яркое, ни на что не похожее чудо... И особенно ярко распускается оно тогда, когда Земля на своем планетном пути заходит в черные затуманенные области Рака или Скорпиона и жить в туче этих ядовитых радиаций становится совсем уже невыносимо.»

Юрий Домбровский

- *Демидов, Георгий. Чудная планета : рассказы / Сост., подгот. текста, подгот. ил., В.Г. Демидовой. Послесловие Мариэтты Чудаковой - Москва : Возвращение, 2008.*
- *Виталий Шенталинский (Новый мир, 1997, №5)*
- *Дмитрий Быков // "Дилетант", №12, декабрь 2016 года*
- *«Демидов и Шаламов. Житие Георгия на фоне Варлама»: материалы к одноименной конф., Москва, 4-6 марта, 2016 г., Большой зал Дома русского зарубежья им. Александра Солженицина, Гос. музей ГУЛАГа / [ред.-сост. С. С. Виленский]. - М. : Возвращение, 2016.*